

У печали лицо не детское О некоторых забытых людях и книгах русской эмиграции

Старые книги, журналы, изданные в эмиграции. Многие из них в наше время оказались перепечатаны, получили, так сказать, новую жизнь. Многие, увы, канули в вечность. Далеко не всё, изданное на русском языке вне пределов Советской России, изучено, включено в справочники. Изданиям для детей в какой-то мере повезло меньше других. Возможно, потому что такого рода публикации в Германии, Франции, других странах Западной Европы, в Азии (в первую очередь в Китае), в Америке в основном представляли собой перепечатки произведений классиков, сказки — все то, что и в советскую эпоху оставалось наследием общедоступным. Однако более внимательное знакомство с этим материалом показывает, что стандартного отношения к читателю-ребенку, подростку, в среде русской эмиграции не было. Более того, не может не вызывать восхищения то, с каким вниманием относились к подобного рода творчеству жившие в первые послереволюционные годы в изгнании Алексей Толстой, Куприн, никогда не вернувшиеся на родину Бунин, Бальмонт, Саша Черный... Основанный в Париже в 1920 году Дон-Аминадо (Аминадом Петровичем Шполянским) журнал "Зеленая палочка", где мэтры печатались так же охотно, как и в изданиях для "взрослых", хотя и не просуществовал долго, явился одной из наглядных попыток объединить лучшие творческие силы эмигрантов для последовавших за границу с родителями и близкими юных россиян...

Впрочем, наряду с авторитетными мастерами в дело детского воспитания книгой вносили свой вклад и люди, к писательскому цеху прямого отношения не имевшие. Среди них в Париже — организаторы различных

литературных утренников, редакторы и составители книг для детей Илья Николаевич и Лидия Антоновна Коварские.

Два небольшого формата, похожие на тетрадки, сборника рассказов, написанных и иллюстрированных детьми в возрасте 10-13 лет, которые Коварские назвали "Дети детям" и выпустили в парижском издательстве Якова Поволоцкого (по нашим предположениям, — на книгах время публикации не указано — в 1921-1922 гг.), сегодня — антиквариат. Хрупкие, слегка потемневшие от времени странички с наивными рассказами, стихами, иллюстрациями, точнее, рисунками некоторых авторов к собственным произведениям, к произведениям своих соседей по книжке. Конечно, считать это *литературой* не приходится. Но в то же время это и не сочинения, которые можно приравнять к тем, что пишутся за школьными партами. Иной дух. Пусть очень по-детски, но — подлинная история. И той погасшей во мгле революции и гражданской войны империи, и — человеческой беды...

Вот — из первого сборника "Дети детям" рассказ 12-летней Бетти М.

"Русский в Константинополе"

Тот, кто видел Константинополь летом, не знает, какой ужас представляет Константинополь зимой; в отелях, где приходится ютиться несчастным беженцам, царит холод и грязь.

Хотя я слыхала, что холод способствует вырождению разного рода насекомых, но константинопольские гостиницы не оправдывают этой теории. То, что творится на улицах, того нельзя передать пером; нужно это видеть собственными глазами и чувствовать на деле. Турецкие школьники, которые вообще не отличаются особенною вежливостью, толкают несчастного беженца во все стороны и вдобавок обдают его не только грязью, но и руганью. Вообще, несчастному беженцу много приходится переживать в Константинополе. Русские беженцы часто стараются удрать из Константинополя, но редко их старания увенчиваются успехом, потому что на дверях всех посольств висит грозная надпись: "РУССКИМ ВИЗ НЕ ВЫДАЕТСЯ".

Кто была эта Бетти, написала ли свою нехитрую историю на турецкой земле, или уже приехав во Францию? Увы, этого мы никогда не узнаем, ибо тех, кто прошел подобный путь, были многие тысячи... И. и Л. Коварские вообще ограничились при публикации указанием имени юного авто-

ра и его возраста, а вместо фамилии целиком — оставляли лишь первую букву. Почему? Возможно, исходя из педагогических целей — не сеять в зеленых еще умах представлений о "писательстве". Может быть, причина тому была какая-то иная. Мы не будем гадать. Между тем одна из историй, нашедшая место в том же первом выпуске "Дети детям", привлекла наше внимание не просто наличием в ней эмоциональных переживаний, а конкретными деталями — история, случившаяся в Одессе...

Налет

(Действительное происшествие)

Многоуважаемые читатели, русские, живущие за границей, вероятно, не знают, что такое налет.

Налет — слово, часто встречающееся в одесских и киевских газетах, в отделе происшествий. В общем, это набег на квартиру 10-15 человек с револьверами и бомбами; они приходят среди бела дня, взламывают дверь или просто звонят, а когда им открывают дверь, они врываются в квартиру и затыкают рот тому, кто открыл дверь.

Это было в 1918 году. Однажды утром я был разбужен стуком сапог. Я открыл глаза, но тотчас же закрыл их: надо мной стояло чудовище в маске и с револьвером, который оно подставило к моему виску; само собою разумеется, это чудовище было не больше, как человек. От испуга я стал кричать; на мой крик сбегалось еще 6 человек, тоже в масках и с револьверами. Но увидя, что я не переставал кричать, и боясь, как бы сосе-

ди не сбежались на мой крик, они поспешно вышли из моей комнаты, оставив одного налетчика без маски: они думали, что я испугался маски, что и было верно. Налетчик, который остался у меня, был в солдатской форме и с револьвером, в котором, по его словам, было 80 патронов, тогда как самое большое число их достигает 16-17 в рукоятке и 1 в действии. Вскоре я свыкся с видом налетчика и стал задавать ему наивные вопросы: "Что вы ищете?".

Налетчик ответил мне, что он ищет оружие. Через пять минут от нечего делать я опять спросил его: "Кого вы ищете?" — "Провокатора, — ответил тот, улыбувшись, и потом, после непродолжительной паузы, добавил: — Мы подсланы военно-революционным комитетом, нас здесь двадцать человек". На самом деле их было шесть.

По временам он высовывался за дверь, как бы спрашивая: "Ну, что, как дела?". Налетчику надоело стоять без дела, и он решил беседовать со мною. Начал он с вопроса: "У папы много денег?" — "Не... не знаю..." — ответил я.

* * *

Горничная рассказывает, что она хотела выбросить сор на черный ход... шесть человек ворвались в дверь, повалив бедную горничную. Ей сейчас же связали руки и ноги. После этого они вышли из кухни, оставив бедную горничную на полу. Гувернантка рассказывает, что она пошла готовить какао и для этого несла в одной руке чашки с молоком, а в другой — банку какао. Вдруг в темном коридоре кто-то схватил ее за руку; сначала она не очень перепугалась, но увидя маску, стала кричать благим матом. Ей завязали руки платком, связали руки и ноги тесно полотенцем, бросили на сундук и, выпив молоко, выхваченное у нее из рук, повернулись, чтобы пойти дальше... как вдруг они услышали грохот позади себя; они обернулись: гувернантка, скатившаяся с сундука, сидела на полу и кричала о Боге. Ее мало слушали, связали ей опять ноги и руки и посадили на сундук. После вторично послышавшегося грохота пришел атаман и велел развязать ей ноги.

После этого разбойники пошли к папе в комнату. Папа, так же, как и я, проснулся под угрозой револьвера. У него потребовали ключи от кассы. Папа, несколько не боясь их угроз, стал медленно одеваться. Налетчики жадно набросились на ключи и стали рыться в кассе. Высытав все, что там было ценного, они стали ломать ящики буфета и шкафов, вынимая все, что попадется под руку: ножи, вилки, ложки и прочие столовые принад-

лежности. Для предосторожности воры собрали всех в комнату бабушки и связали всех попарно — спина к спине. До этого папа лежал на кровати со скрученными привязанными к спине руками. Вдруг раздался звонок; воры побледили и спрятались за дверь; один из них открыл дверь и отскочил в сторону.

Это была портниха, пришедшая в 9 часов на свою обычную работу. Вдруг петля ей стянула руки, она остановилась, как вкопанная: все 6 человек разбойников, за исключением одного, который стоял у меня в комнате, стояли возле нее и грозили ей револьверами. Ее связали и поместили в общую комнату. Вдруг раздался телефонный звонок. Налетчик, стоявший у меня, спросил: "Эй, мальчик, нет ли чего-нибудь, чтобы, так сказать, подрезать, так чтобы ножницы". "Есть, но только с тупыми концами", — ответил я. "Ничего, и то можно!". После этого краткого разговора налетчик, ища ножницы, ломал и портил мои вещи; я с болью в сердце смотрел на это истребление. Ножниц не нашли, и телефонный провод пришлось перерезать перочинным ножом.

В мою комнату вошел атаман. Он отличался от других быстрыми движениями: маска у него была чуть ли не до пояса. Он схватил полотенце и хотел меня связать, но человек, стоявший возле меня, сказал: "Нет, его не надо; он хороший мальчик. И его брата тоже не стоит". Атаман, покачивая головой, вышел из комнаты отдать приказания. Пробыв у нас целый час, налетчики, проверив, все ли хорошо связаны, ушли, сказав, что они оставили возле двери одного из своих. Портниха, которая была плохо связана, растянула веревки и развязала остальных. За дверью никого не оказалось. Сейчас же пришел электротехник и стал поправлять телефон. Он сказал, что тот, кто перерезал провод, должно быть, электротехник, так как умело перерезал провод. Сейчас же вызвали полицию и сообщили ей о происшедшем. К нам сошлись все родственники; они уже знали все.

На следующий день мы в номере "Одесских новостей" читали обо всем, происшедшем в нашей квартире.

Рассказ был подписан: Нолли — и снабжен рисунками. В справке, в конце книжки, отмечалось, что фамилия его начинается на букву "В", автору 12 лет. Итак, учитывая информацию, имеющуюся в тексте, у нас была возможность попробовать проверить, не поддавался ли фантазиям мальчик, вспоминая в далеком Париже свой родной город.

Одесские реалии

Одессу в смутное время, в окаянные дни гражданской войны, мы представляем сегодня, естественно, по литературе. А ее — и тут городу повезло — море разливанное. Как по-разному выглядят одни и те же события в описаниях Ивана Бунина и Константина Паустовского, Валентина Катаева и Дон-Аминадо, Тэффи и Алексея Толстого... Но тут нельзя забывать, что в художественной литературе, даже в литературных мемуарах писатели нередко смещали события. Месяц жизни, год жизни — спустя десятилетия казались насыщенными почти одинаково.

Революция в Одессе была особенной. За три года по самым скромным подсчетам девять раз менялась власть. Большевики, Гетьманщина, Директория, интервенция, Добровольческая армия... Это не считая налетов банд Григорьева, Мишки Япончика и прочих бесчисленных освободителей и завоевателей.

И, пожалуй, только газеты, а их выходило невероятное множество, дают представление, как ежедневно менялась жизнь — в соответствии с цветом флага на улицах. Итак, рассказ в книге "Дети детям", взятый из того одесского времени, подтолкнул нас к вопросу: действительный ли факт описал Нолли В.?

Свой фельетон о первом периоде большевистской диктатуры Аркадий Авреченко назвал "Бандитовка".

— Наша Одесса — ужасный город! — писал Аркадий Тимофеевич, вкладывая эту фразу в уста актрисы. — Посмотрели бы вы, как вели себя одесситы при большевиках...

И мы спустя почти девяносто лет решили взглянуть на жизнь Одессы в первый период советской власти — с 27 января 1918 года до 13 марта 1918 года, когда слова *расстрел, налет, грабеж* стали ежедневным фоном жизни, когда, вступая в сговор с бандитами, большевики "заказывали" убийства, насилия, ограбления.

Листаем газету "Одесские новости" за эти три месяца. На пожелтевших страницах кровавое месиво жизни обрело форму информации, репортажей, даже фельетонов. Найти в этом калейдоскопе конкретный эпизод казалось немислимым... И вдруг!..

Это была удача. В номере за 4 февраля среди подборки сообщений, объединенных заголовком "Вооруженный налет", — история, которая только что была прочтена нами как воспоминания ребенка: "*В квартиру владельца мыловаренного завода Вольфа, проживающего в собственном доме номер 52 по Кузнечной улице, был совершен в пятницу вооруженный налет.*"

В это утро, когда прислуга открыла дверь черного хода, чтобы выйти во двор, в квартиру ворвались вооруженные грабители в числе шести человек. Часть из них была в черных масках, и все вооружены были револьверами. Связав прислугу и угрожая убить ее, если она начнет кричать, налетчики вбежали в комнату.

Семья Вольфа была еще в постели. Угрожая револьверами и угрожая убить их, налетчики согнали всех в одну комнату. Сына Вольфа налетчики заставили открыть несгораемую кассу, из которой похитили несколько сот рублей и ценные документы. Затем налетчики вскрыли все хранилища и забрали золото и серебро. Любопытно, что налетчики, оставляя квартиру, захватили с собой ключи от кассы".

Итак, теперь мы знаем не только то, что история в "Детях детям" была правдивой, но и подлинную фамилию автора рассказа "Налет" — Нолли Вольф, знаем также, что его отец был владельцем небольшого мыловаренного завода на Картамышевской улице. Завод закрылся в 1919 году. Как видно, тогда и начался эмигрантский период жизни этой семьи...

Нужно ли удивляться, что есть разночтения между репортерским сухим, не очень грамотным описанием и эмоциональными детским воспоминаниями? Конечно же, нет. Репортеры работали в условиях, приближенных к чрезвычайным. Но подтверждение факта, свидетельство ребенка еще раз окрасило время, еще раз помогло ощутить незащитность человеческой жизни в те окаянные дни, которые для кого-то были временем больших ожиданий, а для кого-то концом России.

И еще немного об эпизоде в рассказе и репортаже.

Описанные события проходили на Кузнечной. Для одного из нас (Евгения Голубовского.) значительная часть жизни связана с этой старой одесской улицей, на которой сохранился красивый дом начала прошлого века, увы, в таком обветшалом состоянии, как будто он не пришел в себя от нескольких десятилетий советской власти. И того налета. Но это уже тема для другого очерка.

* * *

Всего в первом сборнике "Дети детям" приняло участие 6 авторов. В сборнике следующем, внешне оформленном идентично, только с цифрой "2", их оказалось уже 11. Но остались те же печальные ноты, с доминирующей "было". Предоставим же слово еще нескольким рассказам, которые писались маленькими изгнанниками.

ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Недавно здесь выпал снег, и только на один день, словно нарочно для русских. Попадал хлопьями, как в России, и устлал белой пеной крыши и улицы тоже по-русски. Он мне напоминал что-то милое и далекое, напоминал зиму и Россию. Я закрыл глаза, и казалось мне, словно я опять в Москве. Вспомнил я последний

снег и последний закат солнца в России. Вспомнил, как оно спокойно, алым шаром садилось и, наконец, коснулось дальних крыш, и розовым бледным светом облило снег. Дали словно уходили, и синий мрак ночи все надвигался, тихо ублаживая всех.

Всего лишь одна розовая полоска осталась, но и та скоро исчезла. Небо позеленело и, словно свечи, загорелись на нем звезды. Снег хрустел под ногами и пахнул чем-то свежим, родным.

Становилось грустно и сладко.

Сумрак спустился и своей серой, ясной паутиной окутал дали...

Все словно замерло...

Вдруг где-то вдалеке ударил колокол, зазвенел и рассыпался в тишине. А за ним загудели другие колокола, могущественно и вместе с тем кротко...

Звонили к вечерне... Господи, когда еще услышу я этот милый звук, когда увижу еще нашу белую и тихую зиму?.. Давно это было, давно и умерло.

И неужели навсегда?..

Федор В.
Париж

Как я увидел впервые на свободе волка

Мы живем в деревне. Наш дом находится на краю деревни у опушки леса. Нередко я хожу в лес на лыжах. Однажды днем я пошел в лес. Зайдя довольно далеко, я очутился на поляне. Совершенно неожиданно увидел я на другой стороне поляны зверя, которого я сначала принял за большую собаку. Приглядевшись однако, я разглядел, что это не собака, а волк. После се-

го, не без страха, бросился я назад домой. Волк меня не преследовал. Добравшись благополучно домой, я рассказал о случившемся моему брату. Тот не только не поверил мне, а, наоборот, стал надо мной смеяться и нарисовал картинку: я бегу в одну сторону, а маленькая собака, испуганная мной, бежит в другую сторону. Так мне и не удалось разуверить моего брата, что это была не собака, а самый настоящий волк.

Деревенские мальчики, которым я рассказывал о бывшей неожиданной встрече, отнеслись ко мне с большим доверием и сказали, что зимой по ночам в нашем лесу действительно бегают волки; они только удивились, что я видел волка среди бела дня. Я до сих пор твердо верю, что я видел тогда настоящего волка, может быть, пришедшего из России.

Юра Г.
Сортавала, Финляндия

Маша

В Одессе у нас была очень преданная горничная, по имени Маша. Она не раз при большевиках спасала папе жизнь. Однажды после ужасной битвы между большевиками и украинцами, когда на улицах валялись трупы людей и лошадей, большевики-победители шли по квартирам, из которых якобы стреляли, искать оружие. У папы был браунинг. Конечно, он его в ход не пускал, но все же за такую находку его могли арестовать и даже расстрелять. Через окно мы видели, как большевики входили во двор, и дворник, который всегда был на стороне жильцов, всячески старался не впустить их. Но вот мы услышали стук сапог: это большевики взбирались по лестнице. Папа стоял с револьвером в руке и не знал, что с ним делать. Когда большевики уже стучали в дверь, Маша схватила револьвер и кинулась к черному ходу; к счастью, большевики не пошли с двух сторон, и она благополучно достигла низа. Спрятавши револьвер в переднике, она прошла двор, где стояли большевики, и спокойно спустилась в квартиру дворника, откуда был ход в подвал. Положив револьвер под какую-то бочку и хорошо наметив ее, она поднялась в квартиру. В это время большевики переворачивали всю мебель, ища оружия; но, конечно, их поиски не увенчались успехом.

Арнольд В.
Париж

* * *

Как просты и пронзительны подобные истории! Сколько в них детской чистоты и света, душевной незамутненности! Федору В. было 12 лет,

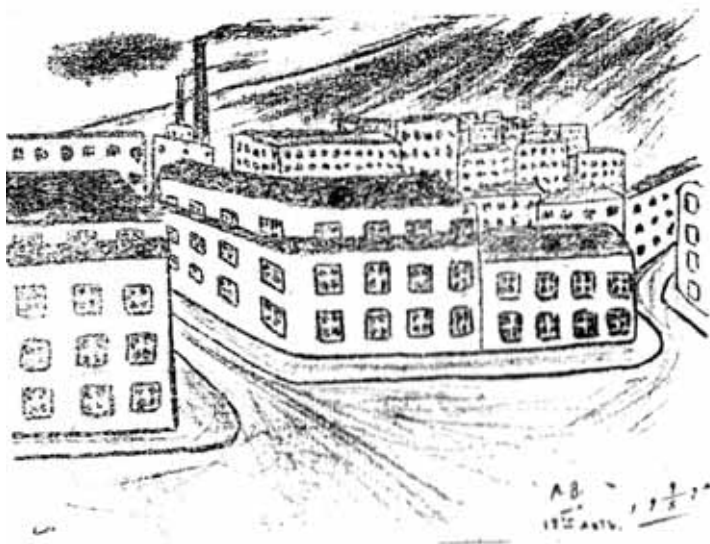
Юре Г. тоже, Арнольду В., фамилию которого, в отличие от его земляка-одессита Нолли Вольфа, мы наверняка никогда не узнаем, 13 лет... Этот мальчик, кстати, выступил в сборнике и со своими стихами, к которым добавил карандашный рисунок: безлюдный городской пейзаж, возможно, какого-то пригорода Парижа...

Сена

*Люблю я Сену ночью,
Когда мильон огней
Свой свет в ней отражают
То тусклый, то светлей.*

* * *

*Когда идешь над нею по мосту,
То шум и свист совсем вас оглушают.
Посмотришь вниз... гладь, тишина, огни...
И изредка лишь тишину ночную нарушают
Полет ли птицы или плеск воды.*

Вернемся, однако, к тем, кто сумел собрать такие тексты, отредактировать их, бережно и с уважением сохраняя точность возрастной интонации, наконец, добиться публикации сборников "Дети детям". Несмотря на то, что как редактор сначала оказался обозначен Илья Николаевич, а затем Лидия Антоновна, можно предположить, что инициатором и главным организатором такой акции семьи Коварских являлась именно супруга. Впрочем, вдвоем они оставили о себе память как люди, озаренные идеями просветительства, активные и в политической, и в культурной жизни.

Коварская Лидия Антоновна (урожденная Налон-Домбровская) родилась в Варшаве в 1874 году в семье военного священника. Окончила с золотой медалью женскую гимназию, а затем уехала в Петербург учиться на Бестужевских курсах. По окончании историко-филологического факультета побывала в Бельгии, в Брюсселе, где слушала лекции французского географа, социолога Элизе Реклю (1830-1905). Впрочем, не приходится сомневаться, что интересовал он бестужевку не как географ и даже не как социолог, а прежде всего как один из видных теоретиков анархизма, член I Интернационала, в котором примыкал к бакунистам.

Лидия Антоновна рано примкнула к революционной интеллигенции. Ходила в народ, издавала брошюры о кооперации, собирала деньги для голодающих... Получив преподавательскую работу в Киеве, она тайно занималась партийной работой. Ее квартира в столице Украины была местом, где "бабушка русской революции" эсерка Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844-1934) в компании одного из организаторов и лидеров партии эсеров, "художника террора", как его подчас величали, Григория Андреевича Гершуни (1870-1908), писали свою первую партийную программу... Там же, в Киеве, молодая Налон-Домбровская познакомилась со своим будущим мужем.

Илья Николаевич Коварский был моложе своей избранной. Он родился в 1880 году. Ребенком жил в Двинске, а гимназию закончил в Нижнем Новгороде. Как эсер имел партийный стаж с 19-летнего возраста. Вел партийную работу в Нижнем Новгороде, Петербурге, Москве... Преследуемый властями, по настоянию жены уехал с ней в Германию, где в Мюнхене начал учиться на врача. В связи с началом первой мировой войны Коварские кружным путем поспешили вернуться домой, но завершил свое образование на медицинском факультете Илья Николаевич в университете Дерпта (нынешнего Тарту, в Эстонии). Накануне февральской революции 1917-го года работал в Москве санитарным врачом при

городской управе, а в марте того же года был избран в Московский комитет партии. Октябрьскую революцию не принял, активно выступал с критикой большевиков.

Отношение Лидии Антоновны к происходящим на родине событиям было идентичное. В 1919 году Коварские эмигрировали во Францию, где, оставаясь верной своим политическим идеям, супружеская пара приложила силы для деятельности иной. Илья Николаевич от сотрудничества с русскими журналами, из которых ему ближе всех был выходящий в Париже "Современные записки", основал издательство "Родник". Впрочем, одновременно с этим он оставался одним из активных членов организаций русских врачей в эмиграции, сначала во Франции, а затем в США.

Лидия Антоновна как профессиональный педагог свою энергию в первые же годы эмиграции отдала детям. Сборники "Дети детям" были не только одним из проявлений этого, редакция устраивала и литературные утренники для маленьких изгнанных. Сколько точно их состоялось — утверждать трудно. Но вот, скажем, известно, что утренник 22 января 1922 года, посвященный Короленко, был седьмым по счету. В парижском издательстве Якова Поволоцкого Лидия Антоновна Коварская выпустила (на сей раз без участия мужа) "Родное" — сборник стихотворений для детей — и "Родные писатели" — биографии для детей.

Эти публикации, вероятно, можно считать апогеем ее такой деятельности во Франции. В 1940 году, когда Франция оказалась на краю гибели перед лицом гитлеровской Германии, Коварские, как многие, стали беженцами в США. Именно там и провели они последние годы жизни. Илья Николаевич скончался в Нью-Йорке 8 июня 1962 года. Лидия Антоновна прожила там до 16 февраля 1965 года.

Париж — Одесса

